

Валерия Мухина

ПОЖИЗНЕННО ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: МОТИВАЦИЯ К ЖИЗНИ

*Ибо множество народа следовало
и кричало: смерть ему!
Деян. 21:36*

ХII. Автопортрет в интерьере тюремной камеры

Убийство – извечная
тема общественного
дискурса

Убийство, лишение жизни другого человека, имеет под собой множество импульсов и мотивов, объективно классифицировать которые вряд ли удастся взявшим на себя эту задачу специалистам, заинтересованным в познании феноменологической сущности человека – юристам, психиатрам, психологам и др.

Реально в одном человеке соединено много общечеловеческих сущностей и уникальных, присущих только ему одному особенностей, которые в своих непростых сочетаниях уводят нас от требований науки к типологизации.

Внешне, по факту убийства, всех убийц объединяет то, что они совершили преступление, покусившись на жизнь другого человека. Однако я задаюсь вопросами: Сколько в человеческой культуре существует разрешений и побуждений к убийству? Не являются ли эти социальные разрешения побудителями так называемых опасных индивидов? Или условные, подчас синкретические правила, существующие в мире, не являются основной побуждающей силой убийства? Что об этом думают те, кто лишал человека жизни? Что думают они о себе в связи с совершенным преступлением и полученным наказанием?

Полагаю, что каждый, кто пишет о себе, о своих страстях и незадавшейся жизни, пишет свой автопортрет в интерьере ограниченного пространства тюремной камеры и лишения будущего.

Автопортрет
первый

Олег Г.

декабрь 2005

Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна!

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60; № 4. С. 100–114; 2003. №1. С. 97–117; № 4. С. 121–143; 2004. № 1. С. 118–130; № 2. С. 128–145; № 3. С. 115–127. №4. С. 97–106; 2005. №1. С. 157–175; №2. С. 137–142; №3. С. 82–93; №4. С. 100–114; 2006. №1. С. 110–118; № 2. 141–146; №3. С. 145–151; №4. С. 89–101.

Не могу знать, насколько достоверно будут выглядеть мои воспоминания одиннадцатилетней давности, но как бы там ни было, а я просто обязан сдержать свое обещание и рассказать Вам о личных эмоциональных переживаниях, возникших до и после совершения мною ужасных злодеяний.*

Да! Прошу учесть, что свои душевные откровения я буду изливать сразу же на чистовик, поэтому стройность мысли, за которой при других обстоятельствах я обычно слежу с чрезмерной внимательностью, в этом случае может несколько нарушаться, за что заранее и приношу свои извинения.

«Мои преступления носили спонтанный характер»

*Как помнится, из недавней беседы Вы уже узнали о том, что мои последние преступления носили **обычный спонтанный характер**, почвой которых оказались **неприязненные отношения**. Однако, несмотря на мотивацию, должен заметить, что с психологической точки зрения даже такие **неадекватные случаи поведения**, как правило, обязательно сопровождаются какими-то особыми чувствами, зачастую трудно объяснимыми. Более того, часто их даже и выразить не представляется возможным, так как отрезок времени, истекший со дня совершения преступлений, составляет несколько лет прожитой уже жизни, что, на мой взгляд, является довольно-таки существенным периодом, с течением которого многое забывается, стирается или просто вытесняется – выкидывается из памяти за ненужностью. К этому можно добавить еще и то, что получаемые нами в процессе жизни впечатления от наиболее свежих и ярких бытийных событий также в какой-то мере способствуют стиранию старой информации. Тем более, что эти события негативно отразились на моей судьбе, лишив меня практически всего...*

Кроме жизни.

«Постараюсь излить на бумаге свою душу»

*Тем не менее я все-таки постараюсь **излить на бумаге свою душу** и рассказать обо всем так, как это видится мне с высоты собственного понимания тогдашних моих ощущений и самой ситуации.*

Итак, как явствует из приговора суда, свое первое и тяжчайшее преступление, связанное с убийством человека, я совершил буквально на второй неделе своего пребывания на свободе после отбытия предыдущего шестилетнего заключения. Напрашивается вполне ра-

* Автор писем пользуется подчас научными понятиями, что можно объяснить внимательным чтением специальной литературы (в том числе и статей в ж. «Развитие личности») и периодически повторяющимися беседами с психологом на темы о психологии человека.

зумный вопрос: «Откуда во мне появилась столь чрезвычайная агрессивность и почему?»

Вы знаете, Валерия Сергеевна, когда-то я размышлял над этими вопросами и на этот счет у меня имеются некоторые соображения. Предположу, что первым и пожалуй основным фактором этой агрессии послужила моя социальная неустроенность. С этой проблемой пришлось столкнуться практически сразу же, как только я прибыл в родные пенаты. Между прочим, я до сих пор склоняюсь к тому, что именно этот негативный фактор не давал мне покоя ни днем, ни ночью. Благодаря чему я увидел свою свободу в цвете черной несправедливости.

Согласитесь, что оказаться на улице в 24 года без средств к существованию, это весьма удручающая ситуация. Откровенно говоря, я просто был «убит» таким своим положением. Почему? Потому что для меня было унижительно видеть себя при живом родителе в таком глупейшем положении – положении бомжа. Никогда не думал, что ко мне, человеку, выросшему в семье среднего достатка, может быть применено такое отвратительное понятие, от которого до сих пор чувство великого стыда. Сама мысль об этом нещадно оскорбляет меня. Однако от этого никуда не денешься. Так вот, именно здесь и берет начало моя агрессия, зародившаяся от обиды на родного отца, выпихнувшего меня на улицу, на бывших друзей, которым я стал не нужен, а также на само общество, которое испокон веков отмежевывается от таких как я, не желая оказывать помощь.

«Я оказался
слишком слаб...»

Перед этими проблемами я оказался **слишком слаб**, а потому с первых же дней своего пребывания на свободе я старался растворить их в алкоголе. Но этим я только усугублял тяжесть своих проблем. Характерно, что, находясь в подпитии, я сохранял разумное мышление и никакой агрессии ни к кому не испытывал! Однако она все-таки проявилась. И теперь важно узнать: почему она проявилась?

Так вот, почитайте приговор и посмотрите фактам в лицо. Вы увидите, что моя первая жертва фактически сама организовала этот конфликт. Говоря так, я не пытаюсь себя обелить, ибо знаю свою вину достаточно хорошо. У меня не было никакого умысла лишать этого человека жизни. В какой-то мере он сам виноват в том, что своим неадекватным поведением довел меня до белого каления, преследуя нас по пятам. Понимаете, на мои неоднократные просьбы оставить нас в покое, он совсем не реагировал. Чем собственно и разозлил также

моего родителя, который в свою очередь укорял во всем меня, как старшего сына и как самого трезвого. Таким образом, я оказался как бы между двух стихий, заставлявших меня испытывать великий стыд и т.д. Дело в том, что наш городок не так уж и велик, в связи с чем встреча знакомых на улице не является редкостью. Так вот! Когда моему отцу попадались знакомые, он смущался и начинал укорять меня. Отчего вгонял меня в неловкость. Как назло, этот тип, прилепившийся к нам, всем своим поведением заставлял прохожих оглядываться и фиксировать на нас пристальное внимание.

Безусловно, в обществе цивилизованных людей существует масса различных способов ухода от конфликтных ситуаций и здравый человек старается найти самый быстрый и удачный способ, который не принесет за собой большого вреда обеим сторонам. Но! В моем случае совсем некогда было раздумывать и поэтому, будучи подогретый алкоголем, я прибег к самому легкому и примитивному способу – сначала к вербальной агрессии, а затем к физической. Не было умысла убийства. Но случилось непоправимое: я не рассчитал силу своих ударов и... убил человека.

«После убийства я стал срываться по пустякам»

После убийства я стал срываться по пустякам. Мне все время казалось, что не сегодня-завтра меня обязательно арестуют. В связи с такими чувствами как-то само собою вошло в привычку часто оглядываться. И хотя визуально не наблюдалось никакой опасности, все же я постоянно чувствовал ее.

«Порой страх был невыносим»

Порой страх был настолько невыносим, что где-то в глубине души загорался огонек раскаяния. Я подумывал о том, чтобы написать явку с повинной. Но каждый раз я прогонял подобные мысли, считая их за обычную шизофрению. На всякий случай я старался не ходить той дорогой, где было совершено преступление, дабы не привлечь к себе возможные подозрения. Пожалуй, стоит сказать и о том, что с каждым днем я чувствовал, как вокруг меня сжимается какое-то энергетическое кольцо, заставляющее испытывать в душе большой уют и тесноту. Это было похоже на западню, из которой выбраться не представлялось возможным. Эта западня ощущалась очень остро*. Только алкоголем можно было притупить эти тяжелые чувства.

* Осужденные за убийство часто используют это слово – западня. Здесь имеется в виду не ловушка всякого рода, не снаряд для ловли (птиц и зверей), а искусная тактика, прием со стороны окружающих для завлечения убийцы – теперь уже в качестве жертвы – в опасное для него положение.

«Убийца обретает
душевные
терзания»

Знаете, играя в детстве с друзьями в «войну», мы убивали друг друга с каким-то радостным азартом, при этом не испытывая в душе никакого чувства вины. Почему? Потому, что все это происходило понарошку. В школьной программе специально отводится место для таких военных подготовок. Помните – «Зарница», где учили убивать и защищаться?

Но вот, убив человека по-настоящему (не желая того), убийца обретает душевные терзания. Сейчас я понимаю, что многое из того, о чем я рассказал, было плодом больной фантазии, но одиннадцать лет тому назад все казалось мне реальностью, приносящей душе великий уют.

Муки моей души усугублялись чувством вины, которое я испытывал перед тем человеком, которому волею случая пришлось полгода просидеть в тюрьме как подозреваемому в этом убийстве. Меня душила его невиновность, о которой я знал лучше всех. Было противно чувствовать на душе такую кляксу и часто мне казалось, что она видна каждому. Избавиться от нее можно было только одним способом и, пожалуй, самым верным – это написать явку с повинной и собственноручно отнести ее в соответствующие органы, на что у меня, к сожалению, недоставало решимости и трезвости ума.

Хотя от свободы я получил большое разочарование, все же терять ее мне не хотелось.

Да, конечно, мое положение было далеко не прекрасным. Я предпринимал кое-какие попытки закрепиться в обществе, начать новую жизнь с одинокой женщиной (девушкой), у которой можно было бы осесть, прописаться и т.д. Для этой цели я покупал специальные газеты, которые, кстати, весьма значительно облегчали мой поиск в этом направлении, так как в связи с шестидневной, а иногда и семидневной трудовой занятостью у меня попросту не оставалось времени на личные знакомства. Но, увы и ах! В газетных объявлениях одинокие дамы как всегда желали чересчур многого и главным образом того, чего не было у меня (или во мне). Отчаявшись найти свою вторую половинку, я стал еще больше находить утешение в алкоголе. Компанию мне всегда составлял родной брат, чье социальное положение было аналогично моему.

«Я стал ясно
ощущать свою
обреченность»

*Знаете, Валерия Сергеевна, находясь среди людей, я стал ясно ощущать свою **ненужность**, какую-то такую **одинокую обреченность**. Поэтому я старался избегать людей, предпочитая одиночество. Иногда я не*

мог терпеть возле себя даже собственного брата. В последние дни меня уже и алкоголь не спасал. Будучи мучимый собственными эмоциями, не совладав с собой, я совершил еще одно убийство. Но уже двойное, на почве все тех же неприязненных отношений. В этом случае было задето мое достоинство. До сих пор я задаюсь вопросом: «Почему я поступил именно так, а не иначе?» Ведь я мог просто побить своих недругов, и все бы закончилось благополучно. Но нет! Рука потянулась за оружием...

«Когда меня наконец арестовали... я испытал облегчение»

Поразительно, но когда меня наконец-то арестовали по доносу человека, которому я некогда открылся, ища совета, то я испытал даже какое-то невероятное облегчение. Заключение под стражу решало многие мои проблемы (в частности бытовые). **Некоторые страхи сами собою перестали существовать***. Все тревоги, некогда беспокоящие душу, как-то притупились. Появляться они стали под конец следствия и то лишь потому, что приближалось начало судопроизводства, где так или иначе мне пришлось бы показаться на глаза родственникам моих жертв. А этого мне хотелось меньше всего. Тем не менее без их участия суд считается недействительным.

И вот я наконец-то приведен в зал суда и посажен в клетку, обрамлявшую со всех сторон скамью подсудимых. На такой скамье мне довелось посидеть впервые в жизни и впервые пришлось ощущать на себе невидимый ярлык особо опасного преступника. Однако за свои неблагоприятные поступки должно отвечать по полной программе перед обществом, каким бы хорошим или плохим оно ни было.

Признаюсь, что совсем неловко было чувствовать себя в таком побитом виде, к тому же **одному среди явных «недругов»**. Согласно юридическим формальностям обвиняемого нельзя линчевать, пока его вина не будет всем очевидна.

Однако, ощущая на себе ненавистные взгляды потерпевшей стороны, я чувствовал, что мысленно меня уже неоднократно «разорвали» на куски их мистические руки. Да и потом, даже сам судья допустил непросительное нарушение, когда еще до начала слушания обратился к потерпевшей стороне с вопросом: «Что бы вы ему пожелали?», – показывая рукой в мою сторону. Этим жестом он уже осудил меня по всем статьям, не скрывая личной неприязни, возбуждая в сердцах потерпевших агрессивность ко мне.

* Травмирующий психику человека эффект неопределенности был снят.

«Мне захотелось раствориться в пространстве...»

*Не буду приводить здесь сказанные в мой адрес «комплименты», но... отмечу лишь одно, что очень много нового мне довелось узнать о себе, о чем раньше я даже и не догадывался. Этими «любезностями» они заставили меня не только вжаться в самую скамью, но и опустить голову ниже возможного. Мне в прямом смысле захотелось **раствориться в пространстве или прямо тут же навсегда испариться в воздухе.** Меня пронзил невероятный стыд и одновременно холодный ужас. Меня прошиб нервный колотун. Ничего подобного прежде со мной еще не случилось, как в тот злополучный судебный процесс. С огромным трудом я пытался спрятать от окружающих нервозную тряску своего тела. Уверяю Вас, что так не трясутся даже на морозе. Не думаю, что мне это удалось сделать. К тому же, сама скамья подсудимых расположена в зале суда так, что как ни пытайся спрятаться от посторонних глаз, все равно никуда не спрячешься.*

«Я желал, чтобы поскорее все закончилось»

*Думаю, не лишним будет сказать и о том, что никакого желания хоть как-то защититься у меня не было. Почему? Моя юридическая «грызня» в любом случае затянула бы этот мучительный процесс. **Я же желал, чтобы поскорее все закончилось. Да! Я признал свою вину. Публично попросил у всех прощения. Я не требовал для себя ничего. Это все, на что меня хватало. После суда, который длился четыре дня, я потерял самую большую часть своего энергетического запаса. Получив за свои заслуги по самый потолок, я беспробудно три дня отсыпался. Уже в новой камере – камере смертников. Именно там я обнаружил у себя первую седину в свои 26 лет.***

На этом, пожалуй, свои откровения закончу. Вину свою полностью признаю. До сих пор ее переживаю, но уже с Божией помощью.

Себя считаю не иначе как великим мерзавцем, извергом и душегубцем...

Если можете – простите меня!

Гнетущий страх и смятение других чувств

Другое письмо – уже не о самих убийствах и своих страданиях по поводу последующих за ними собственными переживаниями гнетущего страха и смятения других чувств.

Это письмо касается проблем общения в скученном пространстве камеры, режима и других угнетающих обстоятельств.

Олег Г.

27.04.2006

Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна!

Вы знаете, практически сразу же по Вашему возвращению в столицу наша администрация наконец-то пошла нам на уступку и после некоторого колебания все же разлучила меня с моим теперь уже бывшим сокамерником, переведя его к другому Вашему подопечному, находящемуся на тот момент в гордом одиночестве.

В связи с этой небольшой переменной мое теперешнее настроение и вправду отличается каким-то особым утешением, ибо благодаря этому маленькому чуду из моей жизни полностью исчезла излишняя суета и, более того, устранились кое-какие препятствия, мешавшие написанию данного письма.

«Мне ужасно хотелось поделиться моими наблюдениями...»

Дело в том, Валерия Сергеевна, что ранее мне ужасно остро хотелось поделиться с Вами моими наблюдениями и попытаться хотя бы кратко рассказать о поведении людей, с кем по воле судьбы мне пришлось посидеть какое-то время в одной камере, взаимно наслаждаясь «солнечной» атмосферой здешних будней и порядков. Но, увы! По причине большой занятости в деле покаянного самосовершенствования, а главное, по причине многих негативных факторов, как правило, часто возникающих в межличностных отношениях как ближнего, так и дальнего окружения, такая возможность у меня полностью отсутствовала. Сейчас же окружающая атмосфера, слава Богу, более-менее благоприятная, а стало быть, ничто не препятствует мне воплотить свое желание в жизнь.

Да! Относительно недавно из верных источников мне стало известно о том, что в 2002 году Вами проводились психологические исследования, где изучались личностные черты лиц, совершивших тяжкие преступления. Подозреваю, что в основе этих исследований стояла задача обнаружить у лиц данного контингента патологические особенности, которые в свое время вызвали в них проявление неадекватной реакции в той или иной жизненной ситуации, в частности – агрессию насильственного характера. Смеем предполагать, что благодаря собранному за эти годы материалу, Вам удалось таки выявить основную патологию симптомокомплексов у этих лиц, то есть ту самую судьбоносную черточку, что разделяет законопослушного человека и законопослушного.*

* «Верный источник» – обзор специальной литературы о личностных чертах совершивших насильственные и корыстные преступления. Речь идет о первой из цикла статье о пожизненно заключенных в ж-ле «Развитие личности» (2002. № 3. С. 51–60).

Если я окажусь прав в своих предположениях, то не лишним будет сказать и о том, что изучая генотип человека, на сегодняшний день научный мир располагает достаточно богатым материалом в этой немаловажной области. И думается мне, что немалую пользу ученым, специализирующимся в вопросах генотипных симптомокомплексов принесли непосредственно искренние откровения тех людей, кто абсолютно бескорыстно согласился на предложенный контакт, добровольно став тем самым подопытным объектом.

«Я горю желанием внести в собранный Вами архив некую лепту»

В свою очередь, этим письмом и я сам горю огромным желанием внести в собранный Вами архив некоторую лепту, надеясь на то, что для науки она окажется полезной.

Правда, прежде хотелось бы подчеркнуть одно «но», сказав следующее: из личных соображений никаких фамилий в этом письме я сознательно называть не буду, дабы не ранить эти сердца чрезмерно чувствительных, кто в силу врожденной ранимости воспринимает подобные огласки не иначе, как варварское вторжение в их душу. Также считаю нужным упомянуть и о том, что в моих планах совершенно отсутствует желание давать характеристику индивидуальным качествам того или иного субъекта. Но имеется лишь единственное желание представить как бы общую характеристику личностных черт той массы людей, с которой я контактировал непосредственно.

В конце концов, у каждого человека имеется свое личное мнение, которое он имеет право свободно выражать в любое удобное для него время.

«Мне посчастливилось» сменить, как минимум, двадцать сокамерников»

Итак, за шесть с половиной лет пребывания на данном участке мне «посчастливилось» по не зависящим от меня причинам сменить, как минимум, двадцать сокамерников, что по местным меркам не считается из ряда вон выходящим!

«Им свойственны мнительность, ранимость, самолюбие»

Так вот! На мой взгляд, психологический склад души у этих людей был абсолютно однотипным. Этим я хочу сказать, что все они были совершенными холериками, не терпящими никакой критики в свой адрес. А если таковая и случалась произвольно или по необходимости, то за ней тут же следовал эмоциональный взрыв вербального характера, безошибочно свидетельствующий о ярко выраженных мнительности, ранимости, самолюбии, укоренившихся в душах этих несчастных людей. Более здоровые всегда стараются как-то лавировать во взаимоотношениях или идти на уступки, дабы не вызывать конфликт-

«Кроме себя
они больше
никого не слышат»

ных ситуаций, которые всегда заканчиваются малоприятными последствиями.

Признаюсь, что порой очень трудно сосуществовать с наиболее агрессивными типами. Часто потому, что кроме себя они больше никого не слышат. Кроме того, в них преобладает какая-то невероятная потребность к самовозвышению, хотя по умственным способностям и нравам они собой совсем ничего не представляют. Считая себя умными, они каждый раз ищут подтверждения своим мыслям и соображениям, приставая с различными вопросами к сокамерникам. Им почему-то нужно именно от сокамерников услышать о своих высоких личностных качествах. Причем не один раз, а постоянно.

На мой взгляд, так поступают люди, которые не уверены в себе, неумные, но тем не менее не желающие с этим мириться. При этом, многие из них пытаются навязывать другим свою волю, не разумея того, что этим они только усугубляют страдания своим сокамерникам, создавая уют в их сердцах и вызывая к себе антипатию.

Насколько мне известно из личного опыта, в преступном мире имеются ценности, нравы и устои, общепринятые для всех и каждого. Существуют также и определенные рамки в поведении и разговоре, которых нужно придерживаться и свято соблюдать. Пренебрегать этими нормами нельзя, ибо можно нажить большие неприятности. Однако, как я заметил, находящиеся на участке зеки – увьи! – этих негласных регламентов совсем не придерживаются. Чем собственно и вызывают в камерах конфликтные ситуации. Напрашивается вопрос: почему зеки перестали держаться этих негласных норм поведения и в чем причина?

«У основной массы осужденных... отсутствует уверенность, что они доживут до освобождения»

А причина в том, Валерия Сергеевна, что у основной массы осужденных при мизерной надежде на возможное освобождение совершенно отсутствует уверенность, что они доживут до этого освобождения. По крайней мере, на сегодняшний день никаких радостей в этом направлении еще не видно, поэтому в атмосфере участка и чувствуется такая ужасная унылость. Я бы назвал эту унылость – декадансом* личности, ибо действительно, наблюдая за людьми, очень

* Декаданс (фр.) – упадок. Если в литературе это понятие относится к определенной эпохе, обозначая глубинный сдвиг культуры, то в понимании автора предложенного текста понятие обозначает состояние личности – упадок личности. Полагаю, что здесь есть над чем подумать и специалисту, ищущему удачное понятие для определенного состояния человека.

хорошо замечаешь, как они нравственно опускаются все ниже и ниже.

Зачастую такие падения происходят благодаря действиям администрации, которая уравнила заключенных под одну гребенку, поправ тем самым их индивидуальность и человеческое достоинство. А растоптанная личность постепенно начинает саморазлагаться, теряя самоуважение к себе и вообще всякую мораль. Слава Богу, такое происходит не со всеми, а лишь с частью осужденных и в первую очередь с теми, кто уже достиг старческого возраста. Что касается молодых, то они большинством стараются еще пожить на этом свете, урывая все, что можно.

«Среди Ваших подопечных есть такие, кто «рисуется»

Могу откровенно Вам сказать, что среди Ваших подопечных, например, есть такие, кто перед Вами «рисуется» вполне удовлетворенными своим положением и скудностью быта. Но на самом деле попади к ним в камеру, то они тут же обдерут тебя как липку, выпрашивая то и то. Почему? Потому что сами они ни на что не способны. Хорошо живется тем, у кого есть папа и мама, не забывающие своего отпрыска. Но куда тяжелее существовать таким как я, кому родственники совсем не помогают. Однако я не расслабился и смог приобрести себе друзей, которые всячески поддерживают меня здесь.

Я хочу сказать, что все, что я сейчас имею, – я имею благодаря собственной находчивости. Одним словом, меня кормят моя голова и руки. Я не поэт и не писатель, но тем не менее я живу за счет своих писем и могу сказать Вам, что порой тяжелее написать письмо, чем, скажем, какой-нибудь рассказ. Многие в здешних местах реализовывают себя как только могут. Надо отдать должное тем людям, кто не захирел под тяжестью режима и другого гнета, а, наоборот, как-то старается быть полезным в мире. Это хорошо, конечно! Всякий трудящийся достоин награды. Но, увы! Не каждый питается плодами своих трудов <...>

Да, кстати, знаете, с чем мне здесь пришлось столкнуться? С феноменом, похожим на коммунизм! Представьте себе такую ситуацию: Вы впускаете меня пожить какое-то время в Вашей квартире, где разрешите мне пользоваться одинаковыми с Вами правами на всякое имеющееся в доме имущество. Но вот, через некоторое время, по истечении срока гостеприимства, когда уже надо уходить, я вдруг заявляю Вам о том, что поскольку у нас тут все было общее, то чтобы никому было не обидно, давайте наше имущество

«Некоторые убеждены в том, что все же сумели сохранить человеческое лицо»

во поделим поровну! Уверен, что после такого заявления Вас обязательно посетил бы шок <...>

Некоторые из ПЛС убеждены в том, что все же сумели сохранить человеческое лицо в том виде, в каком оно было до совершения преступлений. Возможно! Отрицать не берусь, так как таковые действительно существуют. Я лично знаю одного такого человека, который и в самом деле не похож на остальных. Лично мне не стыдно даже преклонить голову перед таким человеком, хотя бы даже из чувства уважения за его стойкость.

«Большинство... скованы фобиями»

Ну, а что касается остальных, с которыми я знаком, то должен сказать следующее: откинув в сторону мелкие индивидуальные особенности личностных черт каждого, оказалось, что большинство из них скованы абсолютно одинаковыми фобиями. Из них я бы выделил как минимум три наиболее частых – фонифобию, поинефобию и оабдофобию. Замечу, что такие аномалии в той или иной степени имеются в каждом из нас. Какая-то часть осужденных обречена болеть ими до конца своих дней. Почему?

Согласно моим наблюдениям, многие осужденные даже при отсутствии опасности склонны к автоматическим рефлексам, в коих и прослеживается та или иная фобия.

Приведу пример. Представьте себе, при наличии в камере умывальной раковины, многие из них до сих пор предпочитают умываться над унитазом. Ранее в этом действии действительно имелся некоторый смысл по причине частого отключения воды, и поэтому во многих камерах раковина служила дополнительным резервуаром для набирания технической воды. В настоящий момент проблем с водой не существует, но зато осталось, чтобы сам умывальник, как и водопроводный кран, изначально отшлифованные до блеска, выглядели всегда в идеальном состоянии.

У некоторых выраженная фетишизация

Подобным маразмом они заболели благодаря здешним режимным требованиям, заставляющим осужденных поддерживать в камерах постоянную санитарно-гигиеническую чистоту. Кстати, с одной стороны, это хорошо, когда люди так внимательно следят за ней в течение всего дня. Однако опускаться до **выраженной фетишизации**, как это делают многие мои товарищи, я себе не позволяю.

Те, кому довелось со мной посидеть какое-то время, знают, что из-за нечаянно оставленной на столе хлебной крошки или неровно сложенной на полке стопки

«В преступном мире свои особые взгляды...»

книг я никогда не опускаю до брызжания. Я просто возьму и сам все поправлю и уберу. Другие же, увы, распределяют метраж камеры на «твое» и «мое», укоряют друг друга за всякие мелкие погрешности, обнаруженные на «чужой» территории. Получается, что подобными действиями они сами себе утяжеляют жизнь. Как Вы думаете, откуда у людей берется столько неприятия друг к другу, когда они находятся на одинаковом положении?

Я Вам скажу откуда!

Как я уже упоминал выше, в преступном мире имеют свои особые ценности и моральные взгляды на каждую отдельную вещь или сферу жизни. И кое-что из таких взглядов знаете даже Вы, Валерия Сергеевна. Например, Вы знаете о том, что испокон веков преступники недолюбливали своих вертухаев (охранников), считая их за личных врагов. Даже если какой-нибудь из бывших вертухаев, перешагивая закон, становился вдруг преступником, все равно для уголовников со стажем он до конца своих дней останется мусором, ментом поганым и т.д. Для бывших сотрудников даже и колонии были отдельные, а в тюрьмах – камеры, дабы уголовники не придавили их невзначай. Но вот, с введением в уголовный кодекс такого вида наказания, как пожизненное заключение, на специальные участки стали свозить всех подряд, не обращая внимание на биографическое прошлое того или иного преступника. В результате получилось своеобразное ассорти в каждой отдельной камере, где встретились бывший прокурор и рецидивист, маньяк и урка, детоубийца и бывший милиционер и т.д.

*Вот и посудите сами, откуда возьмется мир в душе каждого из них, если они изначально друг друга ненавидят и, более того, даже не стремятся этого мира искать. А если к этому еще добавить и некоторые привычки, имеющиеся у каждого, как то: **потребность самовозвыситься над другими, быть навязчивым занудой, сунути нос в каждую дырку, и т.п.**, то и идиоту понятно, что между этими людьми всегда будет существовать конфликт.*

Что же до администрации, то она всегда вмешивается в самый последний момент, когда уже конфликт давно созрел и лопнул от чьих-то выбитых зубов.

Подобные недоразумения, на мой взгляд, нужно гасить заблаговременно: прежде, чем подсаживать одного преступника к другому, хоть немножко надо обращать внимание на его прошлое и сами «заслуги», за ко-

«Когда-нибудь
и я напишу Вам»
об одном дне
пожизненно
заключенного

торые они отбывают наказание.

Ну, вот, Валерия Сергеевна, кажется и все, что я хотел Вам рассказать.

Перечитывать не буду, а то вдруг не понравится и я могу эти записи взять и уничтожить. Лучше пусть все будет так, как есть. Да! Недавно читал одну распечатку, снятую с Вашего сайта моим знакомым, и увидел я там небольшой рассказ некоего заключенного, описавшего по расписанию дня – один день, прожитый на пожизненном заключении. Так вот! Когда-нибудь и я напишу Вам о подобном дне 2002 года, а Вы сравните.

И вот еще что, Валерия Сергеевна, узнав Ваших подопечных, я обнаружил там много таких, кто живет здесь шакальей жизнью.*

До свидания. С уважением Г.

Я полагаю, когда человек сам излагает свою жизнь так, как он ее воспринимает и чувствует, он пишет свой автопортрет. Стиль изложения, главные чувства по поводу того, что волнует, развиваемые мысли – все образы, знаки и представления о себе в мире, выражаются с такой убедительностью, что искренне писавший создает свой уникальный, убедительный образ.

(Продолжение следует)

* Узнал, очевидно, по стилю написания текста, по личностным фиксациям на проблемах.

